

Содержание

Интеллектуальная разминка:	
предисловие ко второму изданию	5
Предисловие. Сюрпризы для читателя	28
Интерлюдия 1. Снег в храме	42
Глава 1. Набеги и кочующие бандиты	46
Интерлюдия 2. Таинственная надпись	110
Глава 2. «Наезды» и силовые захваты	114
Интерлюдия 3. Два странных города	222
Глава 3. Во имя Бога и прибыли.....	226
Интерлюдия 4. Красный рассвет Градары.....	337
Глава 4. Власть, страсть и месть.....	342
Интерлюдия 5. Прощание с волхвами.....	445
Вдогонку за волхвами.....	449
Библиография.....	453
Примечания	501

Интеллектуальная разминка: предисловие ко второму изданию

Первое издание этой книги я активно обсуждал во всех возможных аудиториях, и по мере того, как появлялись допечатки тиража, споры становились все интенсивнее. Такая же картина складывается и с обсуждением моей книги «Русская ловушка»¹, являющейся продолжением исследования «Почему Россия отстала?». По итогам этих дискуссий можно выделить два типа возражений.

Первое: с чего вы взяли, говорят мне, что Россия в чем-то отстала? Появление такого вопроса было вполне предсказуемым, и я сразу же изложил свою позицию в предисловии к первому изданию. К сказанному в 2021 г. сделаю лишь краткое добавление: на практике оказалось, что задавали этот вопрос почти исключительно журналисты. В заинтересованных читательских кругах он звучал редко, поскольку люди понимали реальность поставленного автором вопроса и хотели обсудить его, не подвергая серьезную научную проблему бессмысленной идеологизации. Люди, считающие, что проблемы отсталости не существует, книгой, как я и предполагал с самого начала, вообще не заинтересовались.

Второй тип возражений возникал в спорах как раз с теми, кто был уверен в отставании России и даже гипертрофировал

проблему. Здесь нужны пояснения. Важнейший вывод, который можно сделать после прочтения моих книг, состоит в том, что в нашем народе нет никакой рабской природы, никакой склонности к автократии, никакой ущербности, определяющейся культурой, ментальностью, религией. Проблемы отставания связаны с конкретикой нашего исторического пути. Серьезное, кропотливое исследование этого пути дает возможность рационального объяснения каждой конкретной проблемы без использования всяких неплодотворных обобщений. Однако мои уважаемые оппоненты часто приводили примеры такой конкретики, которая, как порой представляется, говорит именно о фундаментальной ущербности России и нашего народа. Я возражал им, погружался в чтение новых книг, обнаруживал новые аргументы — как в трудах, противостоящих моей концепции развития России, так и в трудах, на которые мои исследования могут опираться.

В этом предисловии я сгруппировал важнейшие возражения и постарался дать на них краткие ответы. Будем считать мой небольшой новый текст своеобразной интеллектуальной разминкой перед чтением самой книги. Подчеркну: это не более чем увлекательная разминка, поскольку главное для осмысления российского исторического пути — это не краткое опровержение «штампованных» тезисов о различиях России и Европы, а прослеживание реальных поворотов истории, на которых наша страна, как и любая другая, то сближалась, то отдалялась от соседей, реагируя на появляющиеся в новую эпоху вызовы, но учитывая при этом имеющееся положение дел и сложившиеся традиции.

Итак, начнем. Чаще всего в доказательство рабской культуры народа, якобы утвердившейся у нас много лет назад, приводится такой «факт»: даже высшая русская аристократия XVI–XVII вв.

в обращениях к царю занималась самоуничтожением, подчеркивая свою зависимость от государя. Князья и бояре примерно со времен Василия III обязательно именовали себя холопами, да к тому же подписывались уничижительными именами (Ивашка, Васюк, Федорец вместо Иван, Василий, Федор), чего не было, конечно, в других европейских странах. «Понятное дело, что холопами русские бояре были не юридически, а лишь символически, — отмечает историк Сергей Сергеев, — но такая символика, конечно, показательна. <...> Холопы в условном смысле, люди боярских фамилий, однако, несли на себе некоторые нравственные следствия настоящего холопства»². Подобное «холопство» и впрямь имело место на Руси, но современные трактовки этой проблемы стремятся, увы, вложить в него совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывали люди XVII столетия. Свободолюбивый человек XXI в. не может помыслить себя холопом и презирает далеких предков, добровольно «холопствовавших» в челобитных царю. Но, как отмечается в современной исторической науке, понятие «холоп» постепенно приобрело у князей и бояр новый смысл: в элите общества «оно выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное»³. По оценке Василия Ключевского, «звание государевых холопов, которыми стали величаться в Московском государстве прежние бояре и вольные слуги, значило, что и они из временных вольных наемников превратились в его вечнообязанных подданных, и более ничего не значило это звание»⁴. Весьма характерно, что даже шотландец Патрик Гордон, несколько не смущаясь уничижения и понимая правила игры, писал государю: «бьет челом холоп твой, иноземец, Петрушка Гордон»⁵.

Понять нынче логику тех давних времен довольно сложно, но можно предположить, что холоп, который непосредственно

служит своему господину, живет рядом с ним и, возможно, сопровождает его в военных походах (существовало понятие «боевой холоп»), считался существом привилегированным в сравнении с деревенским крепостным, жившим в скотских условиях, часто голодавшим и представлявшим для господина ценность лишь в качестве поставщика оброка. Если в нашем обыденном представлении, сформированном скорее художественными произведениями, чем историческими научными трудами, холоп — это тот, кого порют на конюшне, то в представлении самих холопов, взятых из деревни на службу к барину, холопство было чем-то вроде социального лифта, чреватого, конечно, и серьезными рисками (барским гневом, гибелью на войне). Подобные социальные лифты существовали во всех европейских странах, хотя терминология, отражающая, скажем, патрон-клиентские отношения в Англии, Франции или Германии, не вызывает у современного читателя такого неприятия, как грубоватая терминология российская.

Представители тяглого населения (от богатых купцов до простых посадских людей и крестьянства), в отличие от служилого, должны были в обращениях к царю именовать себя сиротами, а духовные лица — богомольцами. Для человека XXI в. в слове «сирота» нет ничего обидного, а в слове «холоп» есть. Но к концу XVII столетия все было иначе. Некоторые нахальные «сироты» осмеливались незаслуженно именовать себя холопами. Возмутившийся этим Петр I даже повелел в 1700 г. подобное самозванчество прекратить, «и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание»⁶. А два года спустя царь, склонный на европейский манер унифицировать подданных, отменил всех «холопов», «сирот» и «богомольцев», повелев каждому человеку писать в челобитных «Вашего величества низжайший раб», что было вовсе не переходом

к рабовладельческому строю, как может подумать наш впечатлительный современник, а движением в сторону столь любезного государю регулярного государства⁷.

Сам же государь был у нас самодержцем, и с этим термином тоже бывает часто связано недопонимание. Полагают, что самодержец — это абсолютный монарх... но не абсолютный в цивилизованном европейском духе, а абсолютный-преабсолютный — проще говоря, самодур, не учитывающий ни чаяний народных, ни мнения разных приближенных к престолу групп, ни действующих в стране законов, ни даже здравого смысла. О том, что на самом деле представляли собой учет мнений и соблюдение законов в европейских странах (включая нашу), я еще буду говорить в этой книге и продолжу в «Русской ловушке», но если вести речь лишь о терминологии, то, по оценке В. Ключевского, московское общество понимало его «в смысле внешней независимости, а не внутреннего полновластия. Слово “самодержец” в XV и XVI вв. значило, что московский государь не платит никому дани, не зависит от другого государя (в первую очередь хана. — Д. Т.), но тогда под этим не разумели полноты политической власти, государственных полномочий, не допускающих разделения власти государем с какими-либо другими внутренними политическими силами. Значит, самодержца противопоставляли государю, зависимому от другого государя, а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, т. е. конституционному»⁸.

Следующий аспект исследования, по которому я постоянно получаю упреки от моих оппонентов, — это культура труда в России и других европейских странах. Часто приходится слышать ссылки на стимулирующую упорный труд протестантскую этику, исследованную Максом Вебером (редкий оппонент, правда, заглядывал в его книгу), и на ее отсутствие в нашей

стране. На самом деле протестантская, а если точно соответствовать тезису Вебера, то кальвинистская этика характерна была лишь для небольшого числа западных стран, и перерабатывала она тот «человеческий материал», который исходно не отличался высоким качеством. Даже в Англии и Голландии, где кальвинизм хорошо прижился, трудовая этика менялась со временем. Склонность к упорному труду вырабатывалась постепенно в процессе модернизации, причем в эпоху, когда новая этика активно пробивала себе дорогу, в широких массах населения скорее доминировала лень. «Воистину обвинения английских наемных рабочих XVII–XVIII вв. в “распущенности, наглости, лености” практически полностью соответствуют тем, которые сегодня обращены против коренных жителей Африки, — писал историк Ричард Тоуни, являющийся, пожалуй, вторым по степени известности исследователем протестантской этики после Вебера. — Высказывались жалобы, что по сравнению с голландскими английские рабочие себялюбивы и праздны, что они хотят лишь прожиточного минимума и прекращают работу сразу, как только получают его»⁹. О том же говорит, ссылаясь на историка Кристофера Хилла, крупнейший исторический социолог XX в. Иммануил Валлерстайн: «В XVII веке “английская лень была для иностранцев притчей во языцех” — главным предметом для сравнения здесь, предположительно, были голландцы»¹⁰. Но, может, хотя бы голландцы являются исторически очень трудолюбивым народом? Вряд ли. Наблюдатели отмечали, что и с батавами (так раньше именовали жителей Нидерландов) произошли в определенный исторический момент колоссальные позитивные изменения. «Если в былые времена батавы считались очень глупым народом, подверженным пьянству, <...> то ныне они не заслуживают такого отношения. Ибо они весьма

искусны во всяческих ремеслах и хитроумны в их применении», — отмечал путешественник в 1608 г.¹¹ Точно такая же история произошла с японцами. В конце XIX в. весьма внимательный и вдумчивый американский наблюдатель отмечал их праздность, лень, беспечность и стремление жить лишь одним днем. Но к концу XX в. эксперты уже подчеркивали японское трудолюбие и пунктуальность, объясняя их конфуцианской культурой, глубоко укоренившейся в народе¹².

В общем, у нас нет научных оснований утверждать, будто бы существуют культурно предрасположенные к труду народы и народы, склонные по своей природе к лени, апатии и бессмысленному прожиганию жизни. Как русские, которые нас интересуют, так и африканцы, отношение к которым возмутило Р. Тоуни, могут меняться под воздействием обстоятельств. Предметом научного исследования является вопрос, почему перемены происходят или не происходят в тех или иных обстоятельствах. В этой книге я анализирую, почему итальянцы, проживавшие преимущественно на севере Апеннинского полуострова, фламандцы, проживавшие на юге Нидерландов, а также некоторые немцы стали успешнее других народов, хотя вряд ли можно говорить об их большем трудолюбии, происходящем от природы.

Бывает, что критики заходят к русской ментальности с другой стороны и в качестве отличительного «греха» выделяют не русскую лень, а русскую гордыню. Пример — московитское местничество. Спору нет, местничество сильно тормозило развитие общества, и потому одной из важнейших реформ в истории России может считаться его отмена, осуществленная в 1682 г. царем Федором Алексеевичем¹³. Тем не менее местничество долгое время у нас существовало и интерпретируется порой как свидетельство особой амбициозности и иерархичности

русского общества в сравнении с европейскими. И впрямь, поведение московитской аристократии в некоторых случаях может вызвать насмешки и сформировать представление о русских как о диковатом народе.

В 1650 г. окольниковому князю Ивану Ивановичу Ромодановскому во время пира в Кремле с царем Алексеем Михайловичем и патриархом Иосифом было приказано сесть ниже окольного Василия Васильевича Бутурлина. Иван Иванович оскорбился и отказался сесть на указанное место, поскольку этот прецедент не просто обижал его лично, а мог снизить честь всего рода Ромодановских, поставив его в будущем ниже рода Бутурлиных. Но с царем не поспоришь. Алексей Михайлович приказал насильно усадить Ромодановского за стол. Тогда строптивый князь стал соскальзывать со скамьи. Мол, если сидел не за столом ниже Бутурлина, а просто на полу, то, значит, не было опасного для рода Ромодановских прецедента. В итоге в течение всего пира князя специально поднимали и усаживали куда следует. А после — подвергли краткосрочному тюремному заключению. Еще интереснее случай с князем Григорием Афанасьевичем Козловским. Произошел он в 1691 г., когда местничество уже было отменено и позиция за столом никак не могла повлиять на последующую службу рода. Тем не менее князь, опасаясь потери чести, сказался больным, когда был приглашен на царский пир, где мог быть посажен ниже того, кто считался «моложе». Вновь было применено насилие, и Козловского привезли куда следует. Тогда князь отказался выходить из повозки. Строптивца завернули в ковер и доставили к банкетному столу. Григорий Афанасьевич лег возле него навзничь, но князя все же привели в сидячее положение на том месте, на которое он так не хотел попасть. За свое

сопротивление Козловский лишился боярского чина и был переведен на городовую службу¹⁴.

Дико все это выглядит. Но при взгляде на западные общества мы тоже можем обнаружить «понты», свойственные скорее эпохам, чем этносам. Герцог Сен-Симон, исследовавший изнутри высший свет Франции эпохи Людовика XIV, приводит достаточно свидетельств его амбициозности и иерархичности. Скажем, на одном из светских мероприятий герцогиня де Роган, следовавшая за герцогиней д'Аллюэн, сочла, что должна идти впереди. Та не согласилась. Разгорелся спор, и, когда слов перестало хватать, в ход пошли руки и ногти. В другой раз досталось самой герцогине де Роган. Принцесса д'Аркур, воспользовавшись физической силой, схватила герцогиню за плечи, сдвинула вбок и сама заняла почетное место, на котором та стояла¹⁵. А вот история, достойная комического рассказа о цветовой дифференциации штанов из популярного советского фильма «Кин-дза-дза!». В дни траура королевская карета обивалась лиловой материей, а все остальные — черной. Но однажды кардиналы добились для себя права «лилового траура», что возмутило весь высший свет. Ведь ни принцы крови, ни королева, ни дофин этого права не имели. Младший брат короля надавил на Людовика XIV, и в итоге король отменил «лиловый траур», что возмутило уже кардиналов. Но поскольку они не могли настоять на своем, то вообще отказались от траурной обивки кареты¹⁶.

Во французском обществе все должны были знать свое место, хотя это касалось не государственной службы, а церемоний. На самом верху иерархии находился король. Вслед за ним шли сыновья и дочери Франции (то есть его дети), а дальше — внуки и внучки Франции. Потом следовали принцы крови, а за ними — пэры Франции, каждый из которых занимал

в иерархии свое фиксированное место. Сен-Симон подробно описывает историю того, как бравый герцог Люксембург решил вдруг «перескочить» с шестнадцатого пэрского места на второе, полагая, будто имеет на это право, и как «содружество» возмущенных этой наглостью пэров, включая самого Сен-Симона, сопротивлялось действиям «высочки». Борьба за место провозглашалась еще и тем, что в, казалось бы, стройную аристократическую иерархию вклинивались королевские бастарды, которых Людовик XIV однажды уравнивал с принцами крови. Помимо потомственных аристократов существовали так называемые герцоги по патенту, обладавшие правом на герцогские почести, но не имевшие ранга при дворе и права передачи титула по наследству. Высокопоставленные персоны различались также по множеству «мелочей», каждую из которых аристократы прекрасно знали: по праву снимать или не снимать шляпу, по величине отвешиваемого поклона, по числу сопровождавших их привратников и т. д. и т. п. Неформальную иерархию высшего света определяло также «право табурета», предоставлявшее некоторым лицам возможность сидеть в присутствии коронованных персон, тогда как другие обязаны были стоять. И еще существовало совсем странное (даже по мнению Сен-Симона) так называемое право «для». Суть его состояла в том, что квартирмейстеры во время путешествий специально фиксировали мелом на дверях, для кого жилье предназначено, хотя квартиры, предоставляемые равным по рангу персонам, по качеству не отличались друг от друга¹⁷.

Испанскую иерархию высшего света Сен-Симон изучал с неменьшим интересом, чем французскую. В Испании все было похоже и непохоже в то же время. На различия влияла, например, погода. Аналогом «права табурета» можно считать «право зонтика», чрезвычайно важное для церемоний,

проходящих под палящим солнцем. Но любопытно другое. Дворянство, значительно более многочисленное (в расчете на душу населения), чем во Франции, и сопоставимое в этом смысле лишь с польской шляхтой, делилось на три категории: низшая — идадьго, средняя — кабальеро и высшая — гранды. Сен-Симон, конечно, интересовался грандами — своеобразным аналогом французского «герцогского корпуса». По сути дела, все гранды были между собой равны, но некоторые, как сказал бы Джордж Оруэлл, оказывались «равнее других». Персональной иерархии, как у французских пэров, в Испании не было, зато существовало четкое разделение грандов на три класса по принципу... «покрытия головы». В сравнении с ним принцип цветовой дифференциации штанов выглядит умеренным и рациональным. Гранды первого класса имели право разговаривать с королем не снимая шляпы. Гранды второго класса должны были начинать разговор с непокрытой головой, но могли надеть шляпу перед тем, как король станет отвечать на их почтительную речь. Гранды же третьего класса (пожизненного, а не наследственного) беседовали с королем, сняв шляпу, и надевали ее лишь по завершении разговора, скромно отойдя к стеночке. Рассказав читателям об этих «многозначительных» различиях, Сен-Симон тут же приходит к выводу о том, что на деле дифференциация грандов не столь уж важна, поскольку почти все они произошли от бастардов. По мнению герцога, почерпнутому из замалчиваемой книги «Позор Испании», происхождение темных стран аристократии таково. Во времена Реконкисты христиане вступали в столь тесное соприкосновение с маврами, что от их отношений на свет появлялись дети. А зарегистрировать церковный брак было нельзя из-за различия вероисповеданий. Тогда испанцы решили, что и так сойдет. Соответственно,

сколь бы голубой ни представлялась нынче кровь испанских грандов, где-то у ее истоков стояла прекрасная мавританка¹⁸. А может, даже еврейка?

На фоне французских и испанских «понтов» русские местные обычаи выглядят вовсе не так уж дико. Но двинемся дальше. Кроме проблем трудолюбия и гордыни в разговорах о России и Европе существует еще проблема спасения души. Порой утверждается, будто православная этика хуже, чем католическая и протестантская, будто она не способствует экономическому развитию, стимулирует склонность к авторитаризму, поощряет агрессивность и имперство. В обыденных спорах мне практически никогда не приходилось слышать от оппонентов каких-нибудь серьезных исторических аргументов, подтверждающих их позицию. Поэтому для обоснования отличий русской веры от иных направлений христианства я возьму оценку профессионала — Виктора Живова. «Русское спасение от индивидуальной морали (а поэтому и от индивидуальной исповеди и индивидуальной епитимьи) не зависело. Спасение относилось ко всему православному сообществу и приходило само собой. Оно состояло в постепенном преображении этого мира в Царство Небесное и осуществлялось не через нравственное совершенствование, но как распространение литургического космоса во внешний для него мир. Или — если воспользоваться иной метафорой — внешний мир постепенно поглощался Божией благодатью. Согласно этому взгляду, благодать выражается в обожении; обожение изначально и неизменно присутствует в литургии, в церковном таинстве: в литургии Небеса нисходят на землю и преобразуют ее. Распространение этого обоженного состояния мира, то есть его спасение, не требует человеческих усилий, но осуществляется самодеятельно, так что община верующих должна лишь

поддерживать богослужebное действие в его преемственности и чистоте. Все прочее, как, в частности, аскетические подвиги, богословское познание, институционализированное покаяние или дела милосердия, было факультативным, необходимым в основном лишь для тех, кто превратил спасение в свое каждодневное дело, то есть для монахов и монахинь»¹⁹.

Если Виктор Живов прав (а у нас нет оснований сомневаться в оценке этого уважаемого специалиста), то налицо, конечно, чрезвычайно важное отличие русского способа верить и спасать свою душу. Но когда мы пытаемся разобраться во влиянии специфики вероисповедания на отставание России в политической и социально-экономической сферах, такого рода этические сопоставления нам ничего не дают. Ошибочно было бы считать, что, если, скажем, католичество требует от верующего большего нравственного самосовершенствования, чем православие, то средний католик и впрямь оказывается в нравственном отношении выше среднего православного. Безнравственности хватает в любом обществе вне зависимости от того, как с ней борется церковь. И грехи человеческие повсюду влияют как на поведение бизнеса, так и на государственную политику. В деле преобразования человека массового католическая церковь Средних веков добилась столь же малых успехов, как, скажем, коммунистическая пропаганда в XX столетии. Из неудач в борьбе с грехами, собственно, и выросла реформация, ставшая отражением неудовлетворенности европейского бюргерства и дворянства теми возможностями по спасению души, которые им предоставляли грешные пастыри, начиная с самого папы римского. Но и протестантизм, несмотря на энергичное начало, сопровождаемое религиозными войнами и введением новых норм жизни, тоже не сотворил с грешниками чудес. Нет оснований считать, будто на

«моральном Западе», в отличие от «аморального Востока», существуют миллионы людей, предпринимающих серьезные индивидуальные усилия для спасения души, а не просто временами захаживающие в храм. Если церковь как социальный институт стала серьезным тормозом в деле вестернизации России в допетровские времена²⁰, то суть православного вероисповедания, в отличие от конкретных действий священнослужителей, на экономику и политику практически не влияла.

Порой в качестве примера российской аморальности приводится страсть к доносам. Проблема, ставшая, к сожалению, вновь актуальной в последние годы, вызывает в памяти массовое доносительство времен сталинских репрессий, а его истоки, в свою очередь, начинают искать в эпохе «Слова и дела». Спору нет, как справедливо заметил историк Евгений Анисимов, глубоко изучивший политический сыск XVIII в., «читать бесчисленные доносы тех времен — труд для историка тяжкий. От этого чтения можно легко потерять веру в народ и человечество»²¹. Однако наука старается избегать излишней эмоциональности и подходить к анализу проблемы, руководствуясь фактами и здравым смыслом. А они подсказывают, что доносительство было характерно для разных стран мира и разных репрессивных механизмов. «На массовых доносах строилась работа инквизиции Западной Европы, — отмечает Е. Анисимов. — Средневековая Венеция имела необыкновенно развитую систему политического сыска и была настоящей страной доносчиков. Об этом хорошо сказано в мемуарах Д. Казановы и в других источниках. Во Дворце дождей на лестнице сохранился знаменитый “Зев льва” — окошечко в стене, сунув голову в которое любой анонимный венецианец мог безбоязненно “сообщить” сидевшему в другой комнате инквизитору на своих сограждан. Во Флоренции, в монастыре Савонаролы

Сан-Марко, под окном кельи настоятеля мы можем видеть узкое отверстие, в которое изветчик незаметно совал свернутый в трубочку донос на брата во Христе. Зная сотни таких фактов из истории человечества, невольно приходишь к выводу, что донос — не национальная, а общечеловеческая черта, что это естественная черта, особенность социальной природы человека. Более того, эта проблема актуальная до сих пор и в демократических обществах, ибо грань между гнусным по своей моральной сути доносом и исполнением сознательным гражданином своего долга весьма тонка или почти неуловима. Но все-таки доносительство в основном расцветает там, где существует режим всеобщей несвободы, который развивает и поощряет политический донос и укрепляет сам политический сыск, как механизм борьбы с инакомыслием»²².

Еще один важный «аргумент» оппонентов — утверждение о принципиальном отличии бюргерской культуры стран Запада, отличавшейся свободолубием, проявившимся в коммунальных революциях, и характеризующейся городскими правами, завоеванными в борьбе с королевской властью. В Московии, мол, не было ни коммунальных революций, ни городских хартий: отсюда и проистекает отсталость. Спору нет, между регионами Европы уже в эпоху позднего Средневековья сформировались существенные различия. Одни обладали большими правами, другие — меньшими. Одни успешно действовали по принципу «в борьбе обрешь ты право свое», другие же безуспешно. Но граница здесь скорее проходила по линии «центр-периферия», чем по линии «Европа-Россия». Значительные права городов Северной Италии, Нидерландов и некоторых немецких земель отсутствовали, скажем, у английских городов, не говоря уж о городах, расположенных на Балканах или в Скандинавии.

Английские города не устраивали коммунальных революций. Да и не имели бы на них шансов, если бы вдруг решили в борьбе обрести свои права. Крупные города, как правило, выкупали королевские хартии, предоставлявшие им важные привилегии (свободу от поборов, торговые монополии, систему самоуправления), тогда как мелкие городки, находившиеся в зависимости от светских или церковных (епископов и монастырей) сеньоров, довольствовались в экономике лишь отдельными правами. Возможности выкупа прав определялись конкретной ситуацией и тем, насколько взаимовыгодной была сделка для договаривающихся сторон. «Ни один из английских городов так и не смог добиться статуса типа французской коммуны. Максимальный уровень их административной автономии — это присвоение статуса графства, которым обладали к началу XV в. всего пять городов: Лондон (с XII в.), Бристоль (1393), Ньюкасл (1400), Норидж (1404), Линкольн (1409). Получив хартию, даже с весьма широкими привилегиями, английские города вовсе не становились “вольными городами” или “городами-сеньорами” — слишком сильна была английская централизованная монархия в отличие от раздробленных Германии и Италии». В некоторых местах, например в Винчестере, городские власти контролировали лишь часть территории, тогда как другие части оставались во власти разнообразных сеньоров²³. «К началу XIV в. лишь 14 городов имели право выбирать городской совет, 35% получили право фирмы (освобождение от сеньоральных платежей. — Д. Т.), 31% — избирать своих мэров и бейлифов, 48% имели свой городской суд, остальные вынуждены были довольствоваться только какими-то отдельными привилегиями»²⁴.

У нас порой любят упоминать Магдебургское право, существенно отличавшее города Германии (и даже Литвы, Балтии)

от городов Московии. Но для Франции, скажем, важнейшую роль играла Руанская хартия, согласно которой мэра назначал король, а права горожан состояли лишь в том, чтобы предложить монарху кандидатов, из которых тот станет выбирать. Интересно, что право это было дано Руану английским королем, правившим Нормандией в XII в., для привлечения руанцев на свою сторону. Английским же городам руанские права (статус коммуны, хоть и ограниченный королевской властью) даже не снились²⁵.

Я специально выбрал для «иллюстрации» своего тезиса именно положение дел в Англии, поскольку эта страна в Новое время стала экономическим и политическим лидером. Мы видим, что английское лидерство стало результатом модернизации, а не исходно существовавших вольностей. В Италии и Германии городских вольностей было в Средние века значительно больше, но эти страны в Новое время не захватили лидерство. Бюргерская культура — это, конечно, очень важный феномен, о чем я писал в «Русской ловушке»²⁶, но он не предопределяет развитие. Соответственно, и проблемы России не предопределялись отсутствием городских свобод в Средние века. Культура трансформируется в зависимости от сложной совокупности обстоятельств, и проблемы нашей страны определялись тем, что совокупность эта была далеко не оптимальна. В моих книгах говорится о том, что это были за обстоятельства, как и о том, почему они возникли в определенной стране. Картина развития получается в итоге гораздо более сложной, чем при однозначных заявлениях об ущербности культуры того или иного народа. А главное — при таком подходе мы понимаем, что культура — это не судьба, что она может меняться вместе с изменением конкретных институтов (правил игры) и, значит,

окно возможностей для модернизации страны не закрыто ее трагическим прошлым.

Теперь из города перенесемся в деревню. Традиционно уже на протяжении многих лет специфическим для русской истории явлением принято считать общину и ее большую роль в крестьянской жизни. Тот передел земли, с которым боролся Петр Столыпин, интерпретируется порой как культурный феномен, противостоящий частной собственности. Мол, в европейских обществах укоренились рынок, индивидуализм, конкуренция, жажда богатства, тогда как в русском мире доминировали уравнительность, соборность и нищета. С подобным подходом трудно согласиться, поскольку он дает весьма своеобразную интерпретацию фактов. Думается, что община противостоит не индивидуации, а бюрократизации. Чем слабее в стране бюрократия, чем меньше развито государство, тем большим числом функций наделяет общину правящая верхушка. А если рационально функционирующая бюрократия оказывается способна взять на себя решение столь важных для общества вопросов, как сбор налогов, поддержание правопорядка и поставка солдат в армию, то значение крестьянского самоуправления снижается. Монарху легче спросить с министра, отвечающего за финансы, войну или безопасность, чем с далеких мужиков, даже объединенных коллективной порукой.

В Средние века, пока на Руси не было разветвленной бюрократии, община отвечала даже за то, за что, по справедливости, отвечать была не должна. Скажем, за преступления, совершенные неизвестными лицами на ее «территории». Если произошло убийство, «община (вервь) должна вносить специальный платеж (дикая вира) так долго, пока не выдадут убийцу»²⁷. С высоты наших нынешних знаний это кажется странным, но, если принять во внимание тот факт, что в Средние века не имелось

следователей, оперативников, дактилоскопии, скрытых камер и т. д., коллективная ответственность оказывалась жестоким, но относительно эффективным способом минимизации числа преступлений. Пусть мужички посматривают друг за другом и если чего увидят, то сразу доносят либо даже сами принимают строгие меры в отношении преступника. Пусть понимают, что, если не ответит виновный, придется невинному раскошелиться. Подобный подход к делу имеет параллель в европейской истории. «Ранняя английская практика обязывала местных жителей нести ответственность за людей, убитых в их районе. Их первой обязанностью было установить (для удовлетворения норманнов), что мертвец не был французом. Иначе тяжелая плата ложилась на сообщество, где бы ни был найден труп. Но хотя английский закон имел целью защиту недавно прибывших норманнов, очень скоро этот *murdrum* стал означать “секретное” убийство, поскольку в конце концов плату стали брать при каждом убийстве, несмотря на то что могла быть доказана принадлежность убитого человека к англичанам»²⁸.

Распространение коллективной ответственности в разных странах показывает, что действия властей, которые нам нынче кажутся нерациональными, на самом деле были вполне рациональны. В локальном сельском сообществе, где все друг друга хорошо знали и где пришельцы из дальних мест бывали редкостью (а коли вдруг появлялись, то привлекали к себе пристальное внимание), выявление преступника зависело частенько не от свидетельских показаний, а от репутации подозреваемого. Точнее, свидетелем (послухом) был не тот, кто видел совершение преступления (если таковое лицо имелось, то называлось «видок»), а то уважаемое лицо, которое могло засвидетельствовать репутацию подозреваемого²⁹. Рецидивист с большой степенью вероятности признавался виновным

и в новом преступлении, тогда как крепкий работающий и мало-пьющий мужик имел больше шансов на оправдание, поскольку с чего бы ему вдруг злодействовать?

В середине XVII в. по такому же принципу община стала отвечать за сбор налогов. При отсутствии большого аппарата налоговиков государственные доходы зависели от самоорганизации общины и от присматривавшего за мужичками помещика. Соборное уложение Алексея Михайловича «окончательно утверждало то правило, что сельские общества казенных крестьян отвечают за податную исправность последних, а землевладельцы — за исправность своих крепостных крестьян. Неизбежным последствием этого правила была принудительная разверстка тягла: сельские общества и землевладельцы получали право отводить отдельным крестьянам большие или меньшие пахотные участки соразмерно с их рабочими силами и налагать на них подати соразмерно с отведенными участками»³⁰. Таким образом, в общинном переделе земли нет никакой культурной особенности нашего народа. Он возник с фискальными целями по воле государства. Развитие бюрократии со временем ликвидировало необходимость общинной самоорганизации в данном вопросе, а следовательно, устранило потребность в таком подрывающем частную собственность явлении, как передел.

Нашу интеллектуальную разминку пора завершать, чтобы она не вышла за разумные пределы. Ведь читатель может подумать, будто главная идея книги состоит в том, что мы ничем не отличаемся от Европы. Но на самом деле главная задача — выявить, как Россия и другие страны проходят свой сложный путь, сворачивая то вправо, то влево в зависимости от обстоятельств. Так что основной историко-социологический анализ у нас еще впереди. Тем не менее под конец предисловия я приведу пример целой книги, автор которой защищает Россию,

как друг, отвергая традиционные «наезды» на нашу страну. Но это такой друг, при котором, как говорится, врагов не надо.

Маршалл По написал книгу о России, где на первых же страницах развеял три глупых (это его слово), но весьма распространенных заблуждения о свойствах нашего народа и тут же сконструировал новое с помощью новой методологии. У русских нет, с его точки зрения, особой природной предрасположенности ни к авторитарному способу правления, ни к империализму, оборачивающемуся стремлением воевать и захватывать соседские территории, ни к мессианству, то есть к тому, чтобы «втюхать» свои великие идеи другим народам. Авторитаризм в мире на протяжении столетий был распространен повсеместно, воевали с соседями и прихватывали их территории все сильные государства, а цели у них (и у русских, в частности) были обычно вполне земными, а не духовными³¹. Маршалл По, как профессиональный историк, не признает вечных культурных черт, вечных «sonderweg'ов» (особых путей), а полагает, что исторические особенности народов являются следствием их исторических путей, определяемых множеством случайностей и совпадений. Если бы обстоятельства сложились иначе, Россия была бы сегодня совершенно иной³². Но не успевает читатель порадоваться этому трезвому подходу, как автор выводит русский авторитаризм и воинственность из того, что считает случайностями и совпадениями на нашем историческом пути. Ход его рассуждений поражает чуть ли не больше, чем ход рассуждений его глупо заблуждающихся оппонентов.

Россия — страна неевропейская, утверждает Маршалл По, и это настолько очевидно, что каждый, кто жил в ней хоть какое-то время, знает: «Сходство России и Запада весьма поверхностно, и сами русские ощущают это особенно болезненно»³³. А многие ли неевропейские страны и даже империи избежали

агрессии со стороны Запада? Ацтеков и инков разгромили испанцы, индийцев покорили англичане, китайцев стали делить несколько европейских стран. «Россия была единственной неевропейской империей, которая осталась могучим независимым мировым государством в течение раннего Нового времени»³⁴. А почему же она не покорилась агрессивным вестернизаторам? Да потому, что создала сильную централизованную власть, закрыла от врагов границы, национализировала ресурсы, организовала громадный воинский аппарат и построила империю³⁵. В общем, выходят «те же уши, только в профиль». Были мы, видимо, раньше умеренно авторитарными и умеренно воинственными, как все европейские страны, но стали неумеренно самодержавными и милитаризованными ради защиты своих рубежей.

Реальная история России со всеми ее случайностями и совпадениями, правда, плохо вписывается в логику Маршалла По. Когда это мы стояли перед угрозой того, что произошло с инками и ацтеками, индийцами и китайцами? Когда это небольшая группа конкистадоров могла нас раздраконить? Был лишь один случай в Смутные времена, когда сравнительно небольшая армия «польско-казацких конкистадоров» дошла до Москвы, но поражение потерпела, как известно, от народного ополчения, тогда как централизованная власть была разрушена, воинский аппарат скукожился, а ресурсы по крохам собирали частные активисты типа Кузьмы Минина. Если кому-то хочется, можно к этой истории добавить «поход крестоносцев на Русь» в Средние века, но с ними справились на Чудском озере демократичные новгородцы во главе с Александром Невским, не обладавшим ни империей, ни национализированными ресурсами, ни громадным воинским аппаратом.

В общем, нет ничего общего у нашего положения с положением инков и ацтеков. Нет ничего общего и с индийцами,

поскольку английской Московской компании в XVI в. в голову не пришло бы делать то, что делала позднее Ост-Индская компания. Московия задолго до прихода к нам англичан создала сравнительно сильную армию, что определялось вызовом Востока, а не Запада. Москва покорила Казань и Астрахань, начала выстраивать оборонительные рубежи в южных степях, а когда обернулась в сторону немцев, смогла даже легко справиться с Ливонским орденом. Лишь увязнув в Ливонской войне, Московия ощутила силу Запада, стала учиться у западных соседей и реформироваться на западный лад, но точно так же учились и реформировались тогда сами западные страны, перенимая опыт успешных соседей.

Стоит нам отказаться от выдвинутого без всяких доказательств тезиса, будто Россия — неевропейская страна, которая могла разделить участь инков и ацтеков, как рухнет вся конструкция Маршалла По. Все европейские страны, включая Россию, стремились создать максимально большой военный аппарат и достигали успеха в той мере, в какой им удавалось аккумулировать ресурсы и централизовать власть. И все европейские страны, включая Россию, делали это с учетом специфики своего исторического пути, определявшегося особенностями, случайностями и совпадениями, на значение которых верно указал Маршалл По. Поэтому не надо изображать Россию монстром, которому простительны авторитаризм, милитаризм и империализм по причине угроз со стороны Европы. Россия — это тоже Европа со всеми ее чертами: как монструозными, так и конструктивными.

*Дмитрий Травин
Май 2024 г.*

Предисловие.

Сюрпризы для читателя

В первых же строках этой книги хотелось бы отметить, что значит для меня здесь слово «отстала». Возможно, некоторые потенциальные читатели, увидев его на обложке, сразу запишут автора в русофобы. Однако на самом деле в книге нет никакой русофобии. Наоборот, я полагаю, что у нашей страны есть хорошие возможности для развития. Более того, в истории России уже имеется немало серьезных достижений, особенно в области культуры. Тем не менее в экономике и социальном обеспечении мы находимся далеко не на первых местах в современном мире. ВВП на душу населения у нас по европейским меркам невысок. Темпы роста экономики откровенно не соответствуют потенциальным возможностям России. Уровень жизни таков, что многие предпочитают уезжать за границу, если появляется шанс. Перечень проблем может быть длинным, и в прошлом я неоднократно об этих проблемах писал¹. Но в этой книге не будет размышлений о застойной экономике, провальной «социалке» и авторитарной политике. Меня интересуют причины всего этого. Мне надо понять, почему нормальная европейская страна отстает от большей части развитого мира. Мне хочется дать на этот вопрос не идеологический, а научный ответ: ответ, основанный на изучении фактов.

Замечательный петербургский историк Борис Миронов возражает, правда, против самого использования слова «отстала» в отношении нашей страны. Он настаивает на том, что *«это не отставание, а лаг <...>.* Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась — *Россия живет в другом часовом поясе европейской цивилизации»*². Я с этим совершенно согласен и с первой же главы начинаю выяснять, почему мы оказались в «другом поясе», но полагаю, что без слова «отстала» обойтись, увы, трудно, поскольку оно широко используется. Проще анализировать проблему на том «языке», который принят в обществе. Миллионы людей размышляют именно о причинах отсталости, и если мы попытаемся обойтись без ключевого слова, то наши размышления могут просто не попасть к адресату.

Вопрос о том, почему Россия отстала, стоит уже давно, но особую актуальность он приобрел у нас лет тридцать — тридцать пять назад, то есть в эпоху, когда начинались преобразования. В те годы сформировалось два основных подхода к анализу осуществлявшихся реформ. Назовем их, несколько условно, экономическим и социологическим.

Экономический подход выглядит следующим образом. В мире имеется наработанная практика осуществления реформ в ситуациях, похожих на нашу. Если мы хотим действовать в соответствии с рекомендациями науки, то должны брать на вооружение именно те методы преобразования, которые хорошо работают, а не те, которые сочиняют некоторые наши доморощенные экономисты. Соответственно, успех в преодолении отсталости зависит от того, какие люди стоят у руля и какие рецепты они используют. Если слегка упростить логику экономического подхода, то он сводится к тому, что все

зависит от людей: плохие реформаторы осуществляют плохие реформы, а хорошие реформаторы добиваются успеха.

Социологический подход сводится к тому, что далеко не всякое общество способно позитивно воспринять реформы, если они не приносят сразу же богатых плодов. В краткосрочном плане кто-то от реформ выигрывает, кто-то проигрывает. Чем менее приспособлено общество к трансформации, тем больше будет отторжение. Поэтому те реформы, которые оказались успешно реализованы в одних странах, могут провалиться в других. Следовательно, надо искать такие методы для преодоления отсталости, которые способно воспринять население. Если слегка упростить логику социологического подхода, то он сводится к тому, что все зависит от специфики общества: хорошие реформаторы для одних стран оказываются плохими в других.

Автор этой книги по образованию и ученой степени — экономист. Тридцать лет назад я однозначно придерживался экономического подхода. Не потому, что отрицал социологический, а потому, что понимал: невозможно изобрести панацею для российской экономики, основываясь не на научном анализе зарубежных реформ, а лишь на желании придумать реформы, приемлемые для народа. При таком подходе панацея превращается в плацебо: обществу говорят, будто его лечат от социальных болезней щадящими методами, но на самом деле лекарств не дают.

Я и сейчас придерживаюсь таких же взглядов, но, много лет изучая опыт преобразований в различных странах, пришел к выводу, что и впрямь далеко не каждое общество способно принять необходимое для преодоления отсталости лекарство. Иными словами, как в экономическом, так и в социологическом подходе есть своя правда. Но правда не вся. Реальное

преодоление отсталости требует обычно серьезных реформ, основанных на мировом опыте, и долгого времени для восприятия этих преобразований. Общество что-то принимает, а что-то отторгает из мер, предложенных реформаторами. Со сменой поколений появляются новые инициаторы преобразований, и процесс реформ возобновляется.

Таким образом, каждый раз, когда мы беремся за преодоление отсталости, мы зависим от своего исторического пути, от того, что уже удалось сделать раньше, и от того, что общество отвергло. Подобный вывод, возможно, не порадует тех реформаторов, которым надо принимать решения здесь и сейчас. Но книга эта и не является набором рекомендаций. Она написана для другого: для того, чтобы понять причины нашего долгого отставания. И возможно, для того, чтобы в какой-то мере демифологизировать нашу историю. Показать, что в ней нет какой-то мистической предрасположенности к неудачам. Показать, что мы отставали и догоняли на протяжении долгого времени по тем причинам, которые вполне можно понять.

Данная книга развивает идеи, содержащиеся в другой моей работе — «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского»³. Там были исследованы многочисленные теории (с которыми трудно согласиться), утверждающие, будто Россия — особая страна, будто у нее особый путь развития, особое мессианское предназначение и т. д. Завершалась книга кратким изложением альтернативы такого рода концепциям, то есть анализом трудов авторов, считающих, что Россия вполне способна модернизироваться, догонять развитые страны и не идти никаким особым путем. Однако мое собственное видение проблемы не вошло в то исследование, поскольку требует отдельного серьезного разговора. Здесь, в этой предлагаемой вниманию читателей работе, я данный разговор наконец начинаю.

И сразу прошу читателя не воспринимать эту книгу в качестве всеохватной истории России или тем более истории Европы. Писать подобный труд я, конечно, не собираюсь, да это и не по силам одному автору. Моя локальная задача сформулирована выше, но для ее решения мне придется «пробираться» в самые разные уголки истории и пользоваться трудами многих замечательных историков, без которых никакие работы в сфере исторической социологии были бы невозможны. Как справедливо отмечал Марк Блок, «в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, — это всемирная история»⁴.

Методология моего исследования может удивить и даже огорчить тех, кто ждет быстрых решений. Как известно, на каждый сложный вопрос существует краткий, простой, понятный... и неправильный ответ. В молодости я сам какое-то время такие ответы искал, но с возрастом убедился в ошибочности подобного подхода. Поэтому данное исследование, нацеленное на то, чтобы разобраться в причинах современных проблем России, начинается издалека и основывается на историко-социологическом анализе. В своем движении к современности человечество прошло чрезвычайно сложный путь, на котором некий вызов, если воспользоваться терминологией выдающегося английского историка Арнольда Тойнби⁵, порождал ответ, а тот, в свою очередь, представлял для человечества новым вызовом. И некий качественный перелом, произошедший в тот или иной момент, становился не единственной причиной успешной модернизации, а лишь причиной смены курса дальнейшего развития, которое вело к очередному перелому и к очередной смене курса. Это было медленное,

постепенное продвижение от вызова к вызову через столетия едва заметных перемен. Оно напоминало ход поисковой группы по сложному подземному лабиринту, в котором требуется отыскать заблудившегося человека. Спасатели идут от развилки к развилке, прослеживая по некоторым едва заметным признакам путь этого бедолаги и оставляя в стороне те «боковые» тоннели, в которые он не заглядывал. Таким образом, нам придется долго продвигаться вперед по лабиринту истории (в этой книге поиск не закончится), прежде чем мы сможем понять, почему Россия отстала.

Вторая неожиданность, ждущая читателя, состоит в том, что формально бóльшая часть страниц книги содержит рассказ не о России, а о других европейских странах. С моей точки зрения, именно такой подход позволяет серьезно разобраться в причинах отставания. Традиционная ошибка, с которой сталкивается множество людей, пытающихся понять, почему Россия отстала, состоит в том, что они начинают основательно размышлять над проблемами нашей страны, а не над успехами тех, кто ушел вперед. На самом же деле истинная проблема состоит не в том, почему мы отстали. Важно понять, почему другие страны в какой-то момент смогли осуществить важные для своего развития преобразования*.

Наша проблема напоминает проблему спортсмена, хорошо подготовленного физически и даже показывающего лучшие результаты, чем рекордсмены прошлых лет, но принципиально отставшего от нынешних рекордсменов в методах. Тот, кто бежит классическим стилем, отстает от лыжников,

* Компаративистика имеет большое значение для понимания важных проблем истории. Многие известные авторы так или иначе занимались сравнениями в своих научных трудах (Кром 2015).